

Л. П. Прокофьева

ЗВУКО-ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА

Мир наполнен звуками как слышимыми человеком, так и не слышимыми. Практически все видимое порождает звуки – это стороны одного и того же процесса «чувствования» мира. Говорение, звучание, звук всегда представлялись творческим началом: «язык действует не только в полном согласии с воображением, продукты которого он выражает, но он творит сам по себе так, что рядом с мифическими идеями, в которых речь следовала за воображением, есть и такие, в которых речь шла впереди, а воображение следовало по проложенному пути» [1. С.89]. Эта мысль известного антрополога Э. Тайлора приводит к идее о взаимосвязи и взаимозависимости бессознательного и подсознательного, реализуемого языком и в языке.

Многомерность мира и многомерность сознания предполагает значимость всех видов общностей, среди которых звуку соположен цвет. При подобном соотношении выявляется асимметричность сознания и бессознательного, т.к. цвет и звук для человека являются непосредственным выражением психических переживаний, которые нельзя охватить, определить или выразить при помощи интеллекта. «Чистые абстрактные формы вначале апеллируют к интеллекту, в то время как цвета и звуки апеллируют в первую очередь и прежде всего к ощущению. Интеллект определяет и ограничивает, <...> цвет же дает нам теплоту жизни, ощущения, эмоции и все неопишуемые нюансы опыта (переживания), которые интеллект не способен выразить или определить» [2. С.137]. Синтез ощущений осуществляется как внутри каждой отдельной сенсорной модальности, так и на межмодальном уровне. Реальный чувственный образ обладает полимодальной природой: зрительная картина мира согласована с тактильной, кинестетической и звуковой картинами мира: звук, исходящий от предмета, локализован субъективно в том же месте, где и зрительный образ данного. В целом форма единства чувственных переживаний характеризуется сочетанием единства и множественности: это множество отдельных чувственных переживаний, данное человеку в единстве. Элементарные ощущения не просто переживаются, но «сопереживаются», даны всегда на фоне каких-то других чувственных переживаний и сами воздействуют на характер этого фона.

Рассматривая гипотезу о существовании синестетически обусловленной звуко-цветовой картины мира, мы неизбежно

заметим, что в ней присутствуют все названные выше составляющие, которые особым образом организуют эту картину с учетом универсальной (бессознательной) способности человека ассоциировать звуки и цвета, национального (подсознательного) свойства отражать специфику взгляда на мир через конкретный язык в образно-логическом и эстетическом восприятии и индивидуальной (сознательно-подсознательной) переработки поступающей информации в конкретном акте речи, творчества. Обобщая и несколько упрощая, процесс восприятия можно представить следующей схемой: информация о звуке и цвете окружающего мира посредством бессознательных (физиологических и ассоциативных) и подсознательных (символических) реакций перерабатывается интеллектом, выходя на уровень сознания (рис. 1). Этот процесс в принципе не автоматизируется на последней фазе, т. к. во многом зависит от индивидуальности воспринимающего.

Рис. 1. Процесс восприятия и переработки звуко-цветовой информации.

Одной из разновидностей ассоциативной связи, активно используемой в искусстве, является синестемия (далее – Ст), которая в отличие от собственно синестезии (ненамеренного физического опыта межчувственной ассоциации) представляет собой проявление метафорического мышления человека. По нашему мнению, Ст – это познавательный процесс сам по себе, наполняющий ментальную жизнь человека, функционально не отличающийся от любого другого когнитивного процесса. В рамках Ст выделяются две разновидности – синестемия ассоциативная и метафорическая, которые не имеют непроходимых границ, но обладают спецификой: в литературном творчестве метафорическая Ст затрагивает, в основном, лексико-семантический уровень, тогда как ассоциативная – фоносемантический. Познавательная деятельность человека не протекает с опорой лишь на одну, изолированную модальность – напротив, любое предметное восприятие системно, оно является результатом принципиально полимодальной деятельности. Совместное координированное действие органов чувств становится

естественной основой для протекания синергетических процессов, а психофизиологические механизмы соотношения разных модальностей (слуха и зрения, например) составляют глубинную базу в любом языке. Так синергия и синестезия универсализируются в процессе познания роли Хаоса (беспорядка) и Космоса (порядка) в мироздании и культуре.

Бессознательное эмоциональное отражение окружающего, реакция на внешние события в сознании у каждого человека проявляется по-разному: мыслями, образами, звуками, цветом и т. д., при этом возможны различные их комбинации и формы. Так как явление внутреннего отражения действительности бессознательно, то оно не подлежит какому-либо осмыслению или оценке по факту своего проявления. Любой человек, в какой бы области творчества он бы ни работал, находится в постоянном противоречии между тем, что он реально воспринимает вокруг себя, и тем, что он интуитивно ощущает и какие образы эти ощущения вызывают в его сознании. Разница в форме представления тем не менее не скрывает общность исходной интермодальной сущности. Эту общность активно используют в прагматических целях современная реклама и PR – это и система «якорей» в нейролингвистическом программировании (НЛП), и новейшие японские синестетические разработки в области дизайна телефонов с различными ароматами. При помощи любого из указанных приемов формируется слабый условный рефлекс (на определенный звук, цвет, запах), который затем может использоваться для манипулирования (создание устойчивого положительного отношения к товару, услуге, идее и т. д.). Последствия, к сожалению, могут быть непредсказуемыми, т. к. осознанное направленное массовое бесконтрольное влияние на подсознание чревато различного рода «ответными реакциями».

Бессознательные реакции, вызываемые звуками довольно сложно зафиксировать и еще сложнее систематизировать, но общий принцип соотношения разных уровней сознания, сформулированный на уровне восприятия цвета, может быть использован и здесь. На уровень бессознательного выходят физиологические реакции, на уровень подсознания – ассоциативные, фиксирующие древнейшие архетипические значения, на уровень сознания – сложно организованные системы, прошедшие проверку временем и культурой. Например, музыкальные произведения, колокольный звон и под. Безусловно, восприятие сложных систем многослойно, т. е. включает и бессознательные, и подсознательные реакции, но организующая

роль все-таки принадлежит сознанию. Современный музыкант Хазрат Иннаят Хан образно выразил движение этих двух важнейших субстанций: «Цвет и звук являются не только языком, посредством которого человек общается с внешней жизнью, но и языком, с помощью которого он общается с жизнью внутренней. ...Не только внешние звуки, но также и внутреннее состояние видимо и слышимо» [3. С.167].

По представлению язычников, звук отражал гармонию божественного творения, божественный порядок, в отличие от Хаоса, располагающегося на периферии. Эти идеи нашли отражение практически во всех религиях мира и духовных практиках. Показательны в этом отношении названия духовных практик в йоге: Рагавидья – учение о музыке и звуке как первооснове бытия; Нада-йога – путь звука; Нада брахмо – учение о звучании Абсолюта; Свара-шрути – учение о музыкальных звуках; Нама рупа – учение о проявлении мира в звуках и образах; Ахата-анахата нада – учение о временном и вечном звучании. Интересно, что концепция относительности, по утверждению Альберта Эйнштейна, родилась в его голове из вихря зрительных образов, причем «психические сущности, которые, вероятно, служат элементами мысли, – это определенные знаки и более или менее ясные образы, которые можно «произвольно» воспроизводить и комбинировать между собой... Обычные слова и другие знаки приходится мучительно изыскивать лишь на втором этапе, когда упомянутая игра ассоциаций достаточно установилась и может быть по желанию воспроизведена...» (цит. по [4. С.273]). Ср. с художественным видением процесса творчества у А. Блока: «Миры, предстающие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся щемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти *слова*. Вместе с тем, они начинают *окрашиваться* (здесь возникает первое глубокое знание о цветах) ... начинается чудо одинокого преображения» [5. С.143].

Звуко-цветовая картина мира, по нашему мнению, представляет собой универсальное образование, обладающее ярко выраженными национальными особенностями, внутри которых выделяются относительно равнозначимые в данном культурном контексте проявления. «Смысл культуры цвета и причинность его многовекового существования стали вопросом XXI века», – пишет известный исследователь хроматизма Н. В. Серов [6. С.17]. Нам близка его точка зрения, сформулированная в фундаментальной монографии «Цвет культуры», что в хроматизме интеллект

подразделяется на определенные компоненты согласно его основным функциям: *биологическое* (бессознание), *психологическое* (подсознание) и *социальное* (сознание). Рассматривая гипотезу о существовании синестетически обусловленной звуко-цветовой картины мира, мы неизбежно заметим, что в ней присутствуют все названные составляющие, которые особым образом организуют эту картину с учетом *универсальной* (бессознательной) способности человека ассоциировать звуки и цвета, *национального* (подсознательного) свойства отражать специфику взгляда на мир через конкретный язык в образно-логическом и эстетическом восприятии и *индивидуальной* (сознательно-подсознательной) переработке поступающей информации в конкретном акте речи, творчества. Ответить на эти вопросы стало возможным, получив результаты экспериментов по звуко-цветовому ассоциированию в различных языках и проверив гипотезу практическими методиками анализа художественного текста разных авторов с одновременными аудиторскими экспериментами по восприятию этих текстов [7].

Экспериментальное исследование схожими методами звуко-цветовой ассоциативности (далее – ЗЦА) в двух неблизкородственных языках позволило составить национальные матрицы для русского и английского языков. Значительные совпадения в оценках одних и тех же графонов, далеко выходящие за пределы случайных, а также устойчивость в сохранении ассоциаций в течение длительного времени (3 серии экспериментов 1985, 1995, 2005 гг.) свидетельствует об их реальной системности и повторяемости в рамках сообщества, говорящего на одном языке. При этом обнаружено, что не все графемы в языке имеют одинаковые ассоциативные возможности и что это связано не столько с особенностями языка, сколько с особенностями деятельности мозга человека. Отмечено, что названия цветов, безусловно, оказывают существенное влияние на ассоциирование графонов, но это влияние абсолютным не является: 58% в русском языке, 54% в английском. Максимальной активности русские речевые межмодальные ассоциации достигают к старшему подростковому, раннему и среднему юношескому возрасту, гендерный признак (в отличие от случаев истинной синестезии) существенного значения не имеет.

Любой язык обладает глубинной цветовой матрицей, зафиксированной в национальной протосистеме ЗЦА, причем набор ведущих цветов не только социально и культурно детерминирован, но и отражает картину мира на уровне

фоносемантики. Цвет как одно из важнейших ощущений восприятия образует своеобразное поле, в которое наряду с визуальными представлениями входят синестетически мотивированные аудиальные. Ядро поля русского языка составляют 25 графонов (А, Б, В, Е, Е, Ж, З, И, Й, К, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Х, Ц, Ч, Ш, Ы, Ю, Я), периферию – 6 (Г, Д, Л, Ф, Щ, Э); ядро английского – 11 графонов (А, В, D, G, I, М, О, R, X, Y, Z), периферию – 15 (С, Е, F, H, J, K, L, N, P, Q, S, T, V, U, W). Таким образом, ЗЦА палитра русского языка, зафиксированная на фоносемантическом уровне тяготеет к черно-белой, синей и красной гамме, а английского – к красно-желто-зеленой. По гипотезе Э. Сэпира и С. Цуру, национально обусловлены лишь цветовые ассоциации согласных, тогда как фоносемантический потенциал гласных позволяет относить их ассоциативность к универсальным феноменам. Результаты наших экспериментов не подтверждают это положение: лишь ЗЦА графонов А и О с высокой степенью вероятности представляет универсальное явление, тогда как система ЗЦА остальных гласных и согласных в большей степени национально обусловлена.

Проанализированные нами факты исследования ЗЦА на материале различных языков [7] свидетельствуют о неизменном интересе к явлению синестезии в лингвистике, психологии, медицине. Определяющая доля естественнонаучных исследований (в сравнении с собственно лингвистическими), сопряженных с недостаточной определенностью в понимании феномена синестезии, не позволили создать целостные национальные системы звуко-цветовой ассоциативности, но смогли подготовить методологическую и экспериментальную базу для дальнейших обобщений. Идеи Р. Якобсона, Э. Сэпира, подхваченные и развитые К. Леви-Строссом, С. Ульманом, А. П. Журавлевым, С. В. Ворониным и др., нашли отражение в теории фонетического значения и стали составляющей частью фоносемантики. В последние 7-10 лет в связи с открытиями в области искусственного интеллекта интерес к автоматизированным методикам анализа фоносемантической составляющей речи и текста активно начали проявлять западные специалисты по прикладной лингвистике. Так, например, грантовое финансирование Министерства образования Испании получил коллектив авторов из Universidad Autonoma de Madrid, занимающихся разработкой алгоритма автоматического измерения фонетического значения с использованием результатов исследований М. Магнус, выявившей и зафиксировавшей в специальном словаре универсальные минимальные звуковые

паттерны. Продолжение подобной работы, объединение усилий отечественных и зарубежных исследователей фоносемантики может открыть новые горизонты в процессе познания картины мира, зафиксированной в языке.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
2. Говинда лама Анагарика Основы тибетского мистицизма согласно эзотерическому учению великой мантры Ом Мани Падме Хум. – СПб.: Изд-во «Андреев и сыновья», 1993. – 317 с.
3. Хан Хазрат Иннаят. Мистицизм звука. – М.: Сфера, 1998. – 329 с.
4. Демидов В. Е. Как мы видим то, что видим. – М.: Знание, 1987, – 273 с.
5. Блок А. А. Собр. соч. в 6 тт. – М.: «Прогресс», 1982.
6. Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. – СПб.: Изд-во «Речь», 2004. – 672 с.
7. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. – 280 с.

Т. М. Рогожникова

ЧЕЛОВЕК КАК АКАДЕМИЯ СЕМАНТИКИ: ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В октябре 2007 года в Уфе в рамках Инновационной образовательной программы подготовки кадров в области информационных технологий проектирования, производства и эксплуатации сложных технических объектов в Уфимском государственном авиационном техническом университете для преподавателей кафедры языковой коммуникации и психолингвистики А. А. Залевская прочитала авторский курс «Язык как достояние индивида: инновационные методы современной лингвистики, психолингвистики и лингводидактики».

Смена общенаучных метафор, о которой говорила А. А. Залевская в ходе лекционного курса в Уфе, (см. также: [1]), оказала влияние на анализ языковых явлений и в частности на решение проблем лексической семантики.

Оформление новейшей общенаучной метафоры «живого знания» означает, что интегративный подход к языку, к которому призывают психолингвисты, становится неизбежен. Мировая наука приходит к признанию «невозможности более не замечать